

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Трактатъ Аристотеля о государствѣ Аѳинскомъ *).

I.

Первые дни 1891 года ознаменовались извѣстіемъ, которое привело въ волненіе всѣхъ, для кого классическое образованіе сколько-нибудь сдѣлалось духовнымъ достояніемъ. На столбцахъ *Times* появилось сообщеніе, что въ Египтѣ найденъ папирусъ съ большею частью знаменитаго трактата Аристотеля о государственномъ строѣ Аѳинъ, — трактата, составлявшаго самую интересную изъ ста пятидесяти восьми работъ объ отдѣльныхъ государствахъ Греціи, которыя приписывались въ древности Аристотелю и извѣстны были въ отрывкахъ по ссылкамъ различныхъ древнихъ писателей. Помимо филологической важности новаго источника, помимо интереса классиковъ-гуманистовъ къ работѣ знаменитаго философа, являлись ожиданія, что новый текстъ существенно пополнитъ, а, можетъ быть, и измѣнитъ утвердившіяся представленія о ходѣ греческой исторіи, освѣтитъ съ неожиданной точки зрѣнія характерныя для античной жизни обобщенія аристотелевой политики. Пишущему эти строки пришлось быть въ Берлинѣ какъ разъ въ началѣ прошлаго года: въ этомъ центрѣ нѣмецкой культуры находка англичанъ отозвалась съ силою политическаго событія. Въ ученыхъ кругахъ только о ней и говорили, — обсуждали возможность поддѣлки, съ нетерпѣніемъ ждали текста, догадывались о его содержаніи. Лучшій знатокъ Аристотеля въ Берлинѣ, Дильсъ, съ радостнымъ лицомъ сообщалъ свои соображенія по поводу краткихъ извѣстій въ *Times*, — поддѣлка казалась ему невозможною, авторство Аристотеля несомнѣннымъ, содержаніе трактата замѣчательнымъ.

*) Помѣщая настоящій обзоръ литературы по недавно открытому трактату Аристотеля, считаю долгомъ предупредить, что я буду имѣть въ виду, главнымъ образомъ, первую, историческую часть трактата. Наиболеѣ обстоятельный изъ извѣстныхъ мнѣ библиографическихъ обзоровъ по 'Αἰθρητικῶν πολιτείᾳ сдѣланъ проф. Бузескуломъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1899 г., июль. Ср. также обзоръ проф. В. А. Шеффера. *Berliner Philologische Wochenschrift* 1892, октябрь.

Наконецъ, появился самый текстъ прибрѣтеннаго британскимъ музеемъ папируса въ изданіи молодого англійскаго филолога Кеніона. Мнѣ опять-таки пришлось при весьма интересной обстановкѣ наблюдать за первымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ этою публикаціей,—на этотъ разъ въ Парижѣ: Госсулье младшій дѣлалъ въ Академіи Надписей докладъ объ изданіи Кеніона. Присутствовали: Реванъ, Перро, Дарестъ, Жираръ, Бреаль и другіе. Англійскаго издателя строго судили за поспѣшность и нѣкоторыя ошибки, но по существу признавали капитальное значеніе новаго текста для пересмотра всей афинской исторіи. Одинъ изъ академиковъ не безъ ироніи высказывался о томъ, какъ отъ толчка, даннаго этимъ папирусомъ, разсыплется множество старательно налаженныхъ комбинацій и освещенныхъ постояннымъ повтореніемъ суевѣрій.

Эта весенняя встрѣча трактата, если можно такъ выразиться, отзывалась въ настроеніи первыхъ печатныхъ отзывовъ. Со всѣхъ сторонъ, правда, посыпались предложенія измѣнить напечатанный Кеніономъ текстъ въ томъ или другомъ параграфѣ. Но содержаніе памятника привѣтствовали, какъ своего рода историческое откровеніе. Такіе авторитетные филологи, какъ Дильсъ, Блассъ, Кейль въ Германіи, Гомперцъ въ Австріи, Вейль во Франціи, посвятили ему прочувствованныя статьи въ ученыхъ и общелитературныхъ журналахъ. Вышедшая въ іюнѣ мѣсяцѣ 1891 года книжка Адольфа Бауэра *), профессора въ Грацѣ, можетъ еще служить обращеніемъ господствовавшаго въ первое время увлеченія.

Онъ заводитъ рѣчь издавна: эллинамъ мы обязаны началомъ философскаго изслѣдованія и свободнаго художественнаго творчества. Эллины же первые стали заниматься исторіей, какъ искусствомъ, и первые возвели ее на степень науки. Болѣе всего сдѣлали въ данномъ случаѣ Фукидидъ и Аристотель. Одинъ далъ примѣръ прагматическаго, строго-реальнаго изложенія внѣшней политической жизни, снѣпленія обстоятельствъ, которыми объясняются борьба народовъ и ея исходъ. Другой выдвинулъ внутреннюю исторію учреждений въ связи съ направляющими ихъ партіями и социальными движеніями. Цѣли обоихъ различны, и потому ихъ повѣствованія сильно отличаются другъ отъ друга, даже когда касаются однихъ и тѣхъ же событій. Но между ними есть и родство, объясняющее сходство приемовъ и многихъ результатовъ. Оба недовѣрчиво относятся къ преданіямъ о сѣдой старинѣ, оба подвергаютъ матеріалъ тщательной предварительной провѣркѣ, оба придаютъ особенное значеніе косвеннымъ выводамъ изъ второстепенныхъ подробностей преданія, изъ случайно сохранившихся переживаній древности.

Аристотель, какъ и Фукидидъ, не задавался цѣлью обстоятельно изложить историческія судьбы Аѣинъ. Введеніе къ разсказу современника о Пелопонесской войнѣ весьма кратко сопоставляетъ нѣсколько существенныхъ

*) *Literarische und historische Forschungen zu Aristoteles 'Aθηναίων πολιτεία* (München, 1891).

фактовъ изъ предшествующей исторіи: авторъ философской *Политики* задался главною цѣлю изобразить подробно и точно дѣйствовавшіе въ его время аѳинскія учрежденія и къ этому руководству по государственному праву прибавилъ историческій очеркъ, отмѣчавшій важнѣйшіе признаки и причины одиннадцати измѣненій, которымъ подвергался до его времени аѳинскій строй. Отъ подобнаго очерка было бы нелѣпо требовать равномернаго освѣщенія картины или упоминанія о всѣхъ частностяхъ, которыя случайно дошли до насъ и почему-нибудь кажутся намъ важными. Подробно передана только исторія олигархической конституціи 411 года и такъ называемой тираніи тридцати, т.-е. политическія событія, прямо предшествовавшія дѣйствовавшему при Аристотелѣ порядку.

Многіе особенности и пробѣлы объясняются обстоятельствами, при которыхъ писалъ Аристотель. Трактатъ составленъ въ промежуткѣ между 329 и 324 годами. Въ это время Греція находилась вполнѣ въ зависимости отъ Александра Македонскаго, хотя ея городскія общины сохранили—каждая—свои учрежденія и самостоятельность въ дѣлахъ внутренняго управленія. Аристотель ни единымъ словомъ не упоминаетъ о послѣдствіяхъ Херонейской битвы и повсюду говоритъ, какъ будто аѳинская демократія не обязана была считаться ни съ чьею верховною волей. Помимо формальной правильности такой постановки дѣла съ точки зрѣнія государственнаго права, философъ могъ имѣть и политическую цѣль—напомнить, насколько велика свобода города подъ покровительствомъ царя, и расположить аѳинянъ къ уступкамъ относительно требованій Александра, напримѣръ, въ вопросѣ о возвращеніи гражданскихъ правъ изгнаннымъ. Вѣроятно, именно поэтому онъ такъ сильно настаивалъ на благодѣтельномъ примиреніи партій послѣ несчастій и раздоровъ Пелопоннесской войны, на пользѣ и справедливости общей амнистіи. Къ современной аѳинской демократіи Аристотель относился благосклонно, но это не мѣшаетъ ему осуждать политику раздачъ народу. Время Перикла представляется ему поэтому началомъ упадка. Главное для этого ученаго — объективное изображеніе сложнаго государственнаго механизма, интереснаго политическаго процесса. Вновь открытый трактатъ показываетъ, что отчасти справедливо обычное мнѣніе, будто работы Аристотеля о государственныхъ учрежденіяхъ 158 городовъ составляли подготовительный матеріалъ для обобщеній *Политики*. Безъ сомнѣнія, данныя для нихъ собирались издавна и потому послужили косвенно и для *Политики*, но редакція такъ называемыхъ *Политій* очень поздняя и преслѣдуетъ самостоятельныя цѣли.

Хотя историческій очеркъ Аристотеля представляетъ, такимъ образомъ, только введеніе къ главной, антикварной части, тѣмъ не менѣе, онъ заключаетъ въ себѣ столько новаго, что по нему приходится передѣлать всѣ ходившія до сихъ поръ представленія о развитіи Аѳинскаго государства. Между прочимъ, совершенно перестраиваются хронологическія рамки, въ которыхъ разыгрывалась аѳинская исторія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, открываются новыя, неожиданныя точки зрѣнія и комбинаціи событій. Трактатъ

первые даетъ возможность точно опредѣлить время попытки Килона завести тиранию, главные моменты раздора партій послѣ реформы Солона, періоды господства и изгнанія Писистрата. Но главная перестановка происходитъ въ размѣщеніи фактовъ пятидесятилѣтія между походомъ Ксеркса и Пелопоннесскою войною. Исходнымъ пунктомъ должно служить неожиданное сообщеніе, чтоThemistocles былъ однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ реформы ареопага, произведенной въ 462 году. До сихъ поръ думали, чтоThemistocles былъ изгнанъ изъ Аѣны ostracismomъ въ 471 году и около 465 года переселился въ Персію. Его соединеніе съ Эфіальтомъ при реформѣ ареопага не только бросаетъ новый свѣтъ на послѣднюю, но принуждаетъ отодвинуть главные факты военной дѣятельности Кимона, въ пятидесятые годы, вмѣсто шестидесятыхъ. А это измѣняетъ взглядъ на исторію аѣинскаго союза и на борьбу Аѣны съ Персіей. Выходитъ, что аѣяне первоначально больше пользовались этою борьбой, какъ предлогомъ для составленія громаднаго союза и постепеннаго подчиненія городовъ. Наступательную войну въ обширныхъ размѣрахъ началъ уже Кимонъ и началъ поздно — послѣ сверженія ареопага; она пошла, въ концѣ-концовъ, неудачно, такъ что Периклъ принужденъ былъ ее прекратить. Эта комбинація не дана прямо у Аристотеля, но хронологическая перестановка дѣлаетъ ее обязательной. Точно также мѣняется въ новомъ трактатѣ освѣщеніе дѣятельности Перикла. Онъ уже не является пособникомъ Эфіальты сверженія ареопага,—эта роль, очевидно, была приписана ему позднѣйшими историческими сочиненіями, для которыхъ онъ былъ типичнымъ деюкратомъ и потому долженъ былъ принимать участіе во всѣхъ главныхъ демократическихъ мѣрахъ V вѣка. Напротивъ, Аристотель подчеркиваетъ ограниченіе правъ гражданства и возстановленіе областныхъ судей при Периклѣ: и то, и другое—мѣры не демократическія, а рассчитанныя на то, чтобы стѣснять начавшійся во время персидскихъ войнъ приливъ населенія въ городъ и гражданское общество. Участіе Перикла въ устройствѣ раздать также ограничивается введеніемъ платы присяжнымъ. И хронологически дѣятельность Перикла стѣсняется въ промежуткѣ между 451 и 429 годомъ, вмѣсто прежнихъ невѣроятныхъ сорока лѣтъ.

Особенно цѣнны основанные на документальныхъ данныхъ отдѣлы объ олигархіи 411 года и о тираниі тридцати. Въ первомъ Аристотель пополняетъ рассказъ въ VIII книгѣ Фукидида. Второй существенно исправляетъ свѣдѣнія въ *Hellenica* Ксенофонта. Для этой послѣдней части историческаго изложенія Аристотель, можетъ быть, пользовался Эфоромъ. Во всякомъ случаѣ, его слова выставляютъ въ новомъ свѣтѣ какъ дѣятельность Терамена, представителя средней партіи, которому особенно сочувствовалъ Аристотель, такъ и поступки ненавистнаго Критія. Односторонность, пристрастіе, отрывочность изложенія у Ксенофонта получаютъ какъ бы документальное разоблаченіе.

Таковы главные положенія Бауэра. Онъ не старался просто выдѣлать что новое, что представляетъ трактатъ, и прошелъ молчаніемъ цѣлый рядъ

пунктовъ, по которымъ слова Аристотеля даютъ драгоценныя дополненія къ нашимъ свѣдѣнiямъ. Бауэра особенно поражаютъ мѣста, гдѣ новый свидѣтель становится въ рѣзкое, непримиримое противорѣчiе со всѣмъ, что говорили другіе свидѣтели; онъ спѣшитъ опредѣлить размѣры переворота который находка британскаго музея должна произвести въ нашихъ взглядахъ. Но какъ разъ случаи рѣзкаго столкновенія между свидѣтельствами могли имѣть обоюдоострое значеніе. Если они вызывали на пересмотръ установившихся мнѣній, то они же могли возбудить и критическое отношеніе къ вновь появившемуся источнику. Р. Шёлль *) отнесся не такъ восторженно, какъ Бауэръ, къ перспективѣ безчисленныхъ перестановокъ хронологіи и переверстокъ въ комбинаціи событій, которую открывало извѣстіе о пребываніиThemistokles вѣ Аѣнахъ въ 462 г. Недоумѣніе по этому поводу сдѣлалось однимъ изъ главныхъ основаній для изслѣдованія Ф. Бауэра **), которое можно поставить во главѣ второй группы работъ о вновь открытомъ трактатѣ,—работъ критическихъ и даже отрицательныхъ.

II.

Основная дата, отъ которой исходятъ всѣ расчеты Бауэра, сама вызываетъ величайшія сомнѣнія, чтобы не сказать болѣе. Она связана съ совершенно анекдотическимъ разсказомъ о хитрости Themistokles, которому будто бы грозило въ 462 году обвиненіе передъ ареопагомъ. Онъ успѣлъ, однако, натравить другъ на друга ареопагъ и вожака народной партіи, Эфіальта, убѣдивъ обѣ стороны въ томъ, что одна замышляетъ противъ другой. Разрѣшеніемъ этой комедіи ошибокъ было отнятіе у ареопага политической власти и большей части судебныхъ дѣлъ. Помимо подозрительнаго легкомыслія всего этого эпизода и противорѣчій между нимъ и всѣми другими извѣстіями о судьбѣ Themistokles и реформѣ ареопага, приуроченіе его къ 462 году идетъ наперекоръ сообщеніямъ—ни мало, ни много—Фукидида. Послѣдній подробно передаетъ, какъ Themistokles послѣ остракизма въ Аѣнахъ и цѣлаго ряда приключеній въ Греціи бѣжалъ въ Персію, гдѣ незадолго передъ тѣмъ вступилъ на престолъ Артаксерксъ; на дорогѣ онъ чуть не попалъ въ руки аѣнскому флоту, блокировавшему Наксосъ. Артаксерксъ вступилъ на престолъ въ 465 году, и если предположить, что въ 462 году Themistokles еще одерживалъ политическіе успѣхи въ Аѣнахъ, то придется принять, что появленіе въ Персіи побѣдителя при Саламинѣ произошло не ранѣе, какъ лѣтъ черезъ пять-шесть послѣ 465 года, и тогда не было основанія говорить, что Артаксерксъ недавно вступилъ на престолъ. Время осады Наксоса также можно опредѣлить точно. Она предше-

*) Beilage zur *Allgemeinen Zeitung*. München, 1891. 9 и 11 Mai (№№ 107 и 108). См. также статью В. Бузескула въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1891 г., июнь, и статью Walker'a въ *Classical Review* 1892 г.

**) Hat Aristoteles die Schrift vom Staate der Athener geschrieben? Ihr Ursprung und ihr Wert für die ältere athenische Geschichte (Stuttgart, 1891).

«ствовала возстанію Тазоса и пораженію аѳинянъ при Драбескѣ во Фракіи,—предшествовала, значитъ, 466—465 году. Выходитъ, чтоThemistokles проплылъ мимо Наксоса не позднѣе 466 года, прибылъ въ Эфесъ въ 465 и оттуда послалъ письмо къ Артаксерксу, который только что вступилъ на престолъ. Это прямо вытекаетъ изъ данныхъ Фукидида; приходится выбирать между показаніями новаго трактата и Фукидида, который и ближе къ событіямъ, и съ полнымъ основаніемъ признается самымъ серьезнымъ и освѣдомленнымъ изъ нашихъ свидѣтелей по аѳинской исторіи V вѣка. Есть и другія указанія въ томъ же направленіи, но отмѣченнаго достаточно, чтобы опровергнуть утвержденіе трактата, что Themistokles подстрекалъ Эфιάλты произвести реформу ареопага. Нечего распространяться, насколько существенно въ данномъ случаѣ хронологическое изслѣдованіе. Его сухія, мелочныя, на первый взглядъ, наблюденія устраняютъ сразу все сплетеніе комбинацій и предположеній, которое выставлено Бауэромъ. Нѣтъ надобности отдѣлять Перикла отъ Эфιάλты въ исторіи крупнѣйшей демократической реформы V вѣка, нѣтъ надобности, можно сказать, упразднять политическую дѣятельность Кимона, стѣсняя ее въ пятидесятые года и періодъ, послѣдовавшій за паденіемъ ареопага, вмѣсто того, чтобы видѣть въ этомъ паденіи фактъ, тѣсно связанный съ переломомъ въ карьерѣ именно Кимона. Нѣтъ надобности придумывать маловѣроятную исторію аѳинскаго союза, которая начинается не наступленіемъ противъ Персіи, а поработеніемъ союзниковъ, продолжается не постепеннымъ усиленіемъ Аѳинъ на счетъ союза, а вспышкой неудачной войны противъ Персіи и т. д.

Главное, разъ повѣствованіе трактата опровергнуто въ такомъ существенномъ пунктѣ, надо признать дорогу открытой для всякаго рода критическихъ сомнѣній и поправокъ. Критика Бауэра развертывается широко. Онъ отмѣчаетъ рядъ непозволительныхъ, по его мнѣнію, пробѣловъ. Ничего не сказано о переходѣ отъ кровной мести къ государственному преслѣдованію убійства; не упомянуто законъ Солона объ амнистіи потерявшимъ гражданскія права; не упомянуто и о разныхъ другихъ постановленіяхъ Солона; не приведено никакихъ законовъ времени Писистратидовъ; о реформѣ Клисеена сообщены отрывочныя и неясныя свѣдѣнія; въ изложеніи исторіи Перикла ни слова нѣтъ о клерухіяхъ. За то преподносятся легкомысленныя анекдоты и сообщаются ненужныя мелочи. Къ чему было останавливаться на грязныхъ выдумкахъ объ отношеніяхъ между Солонемъ и Пизистратомъ? Какое серьезное значеніе имѣетъ дополненіе къ Геродоту, что дѣвушка, изображавшая богиню Аѳину при первомъ возвращеніи Писистрата, была, по словамъ нѣкоторыхъ, еракіянка родомъ? Не болѣе существенны поправки къ Фукидиду въ разсказѣ объ изгнаніи Писистратидовъ.

Многое является прямо неправильнымъ. Можно ли повѣрить, что Аристидъ рѣчью убѣдилъ аѳинянъ оставить земледѣльческія занятія, собраться въ городъ и кормиться тамъ на счетъ государства? При описаніи задолжанія народной массы передъ реформой Солона обремененные долгами мел-

кіе землевладѣльцы изображены арендаторами, которые не въ состояніи нести слишкомъ тяжелые оброки. Денежныя раздачи и уплаты народу, вытекавшіе изъ самой сущности демократіи и признанія такими въ *Политикѣ* Аристотеля, представляются въ трактатахъ случайнымъ средствомъ въ борьбѣ Перикла противъ Климона. Совершенно неслыханными являются извѣстія о томъ, что Драконъ радикально измѣнилъ государственное устройство, ввелъ жребій для избранія на должности, установилъ цензъ въ 10 минъ для архонтовъ и казначеевъ, въ 100 минъ для стратеговъ и начальниковъ конницы, учредилъ совѣтъ 401, пользовался уже существовавшимъ тимократическимъ раздѣленіемъ на четыре извѣстныхъ класса. Дальнѣйшій рассказъ о Солонѣ находится въ противорѣчій съ этими неожиданными извѣстіями, да, кромѣ того, сообщается объ избраніи архонтовъ по жребію изъ 40 кандидатовъ, выставленныхъ филами, между тѣмъ какъ и въ *Политикѣ*, и въ самомъ трактатѣ есть указанія на гораздо болѣе позднее введеніе жребія.

Однимъ словомъ, въ цѣломъ рядѣ пунктовъ раскрываются недомысліе, легкомысліе, противорѣчія, несогласія съ *Политикой*, пользованіе плохими источниками. Съ другой стороны, Кауэръ признаетъ, что въ трактатѣ имѣется рядъ весьма цѣнныхъ данныхъ: исторія архонтата, на примѣръ, получила впервые раціональную постановку; интересны сообщенія о политическихъ партіяхъ; ссылки на элегіи Солона увеличили число извѣстныхъ намъ отрывковъ; въ исторіи Писистратидовъ многое объясняется сношеніями съ Аргосомъ, политика Фемистокла получаетъ новое освѣщеніе тѣмъ, что ставится въ связь съ преобладаніемъ ареонага въ эпоху персидскихъ войнъ и т. п. Какъ же быть? Какъ объяснить себѣ странное соединеніе цѣннаго и негоднаго въ новомъ источникѣ? Кауэръ думаетъ найти исходъ въ примѣненіи къ новому трактату наблюденій, сдѣланныхъ Валентиномъ Розе *) и Узенеромъ **). Не можетъ быть сомнѣнія, что прочитанное въ Лондонѣ сочиненіе объ аѣнскомъ государственномъ строѣ и другія подобныя же *Политіи*, счетовъ 158, еще въ древности приписывались Аристотелю: Плутархъ, Цицеронъ и даже Тимей, который уже былъ на свѣтѣ, когда умиралъ Аристотель, считали ихъ произведеніями стагирскаго философа. Но Розе совершенно основательно замѣтилъ, что Аристотелю тотчасъ послѣ его смерти стали уже приписывать сочиненія, ему не принадлежавшія. *Политіи*, очевидно, не преслѣдовали той, такъ сказать, соціологической цѣли, которую философъ ставилъ изученію государственнаго быта и исторіи (Никомахова этика). Если Розе пошелъ, можетъ быть, слишкомъ далеко въ своемъ скептицизмѣ, то Узенеръ вышелъ на вѣрную дорогу, указавъ, что школа Аристотеля, такъ называемые перипатетики, выставили множество работниковъ, которые продолжали дѣло учителя, собирали и перерабатывали самыя разнообразныя свѣдѣнія, руководствуясь болѣе или менѣе принципами учите-

*) *Aristoteles Pseudepigraphus*. Lips. 1863.

**) *Organisation der wissenschaftlichen Arbeit Pruss. Jahrb.*, 53 (1884).

ля, но вносили, въ то же время, много своего, что не можетъ быть поставлено на счетъ мудреца и иногда очень далеко отъ мудрости.

Кауэръ думаетъ уловить явные признаки такой двойственной работы. Мало того, что хорошія наблюденія и цѣнныя данныя стоятъ рядомъ съ дѣтскими оплошностями,—въ своемъ политическомъ направленіи работа, такъ сказать, косить въ разныя стороны. Трактатъ обнаруживаетъ симпатіи автора къ умѣренному олигархическому направленію, представителемъ котораго былъ Тераменъ. Политика Перикла осуждается. Это подходитъ къ воззрѣніямъ, которыя не разъ высказывалъ Аристотель въ своей *Политикѣ*. Какъ извѣстно, онъ безусловно порицалъ соединенную съ раздачами демократію, которая водворилась мало-по-малу со времени Перикла (см. наприм., *Potit.* IV, с. 1266a, 1293b, 1298a, 1301a). И вдругъ въ концѣ 41 главы лондонскаго папируса мы читаемъ, что демосъ овладѣлъ всѣми дѣлами, потому что къ нему перешло судебное главенство. «И это хорошо, такъ какъ немногіе скорѣе поддаются вліянію личныхъ соображеній и корысти, чѣмъ масса». Это неожиданное восхваленіе демократіи, очевидно, не можетъ быть приписано Аристотелю, въ немъ сказалось личное мнѣніе его ученика. И такъ, вновь открытый трактатъ есть школьная работа, на которой отозвалось направленіе Аристотеля и, можетъ быть, кое-гдѣ даже замѣтны слѣды его собственной руки, но которая въ цѣломъ исполнена, все-таки, мало-опытнымъ ученикомъ.

Съ строгою критикою положеній трактата мы встрѣчаемся не у одного Кауэра. Недовѣріе къ описанію Драконова законодательства вызвало также статью Гедлама въ *Classical Review* *). Особенно же развилъ это возраженіе Т. Ренакъ **) въ *Revue des études grecques*. Сопоставленіемъ отдѣльных положеній четвертой главы, гдѣ описывается устройство Дракона и конституція 411 года, оба писателя старались показать, что рассказъ о древней реформѣ составилъ подъ прямымъ вліяніемъ событій и законодательныхъ мѣръ 411 года. «Въ это время искали новизны, которая была бы «старинной»,—говоритъ Ренакъ. Составителемъ олигархической конституціи было поручено народомъ заняться историческими изысканіями. Ученыя теоріи приобрѣтали прямое практическое значеніе, и только ученою поддѣлкой можно объяснить появленіе якобы Драконовскаго плана управленія, которымъ до мелочей можно было воспользоваться въ разгаръ Пелопоннесской войны. И тамъ, и здѣсь выбираютъ должностныхъ лицъ по жребію изъ числа гоплитовъ; и тамъ, и здѣсь вводится тридцатилѣтній возрастъ для занятія должностей, своеобразное чередованіе при ихъ замѣщеніи, штрафы за неявку въ политическія собранія. Не мудрено, что допущенъ и анахронизмъ тимократическихъ классовъ лѣтъ за тридцать до реформы Солона. Ренакъ полагаетъ, что можно даже опредѣлить, откуда заим-

*) *The constitution of Draco* 1891, № 4.

**) *Aristote ou Kritias?* 1891, т. IV. Ср. также статью проф. Шульца въ *Филологическомъ Обозрѣніи* за 1891 годъ.

ствована подложная Драконова конституція. Ея авторомъ былъ знаменитый Критій, который, какъ намъ извѣстно, написалъ нѣсколько *Политій* и, между прочимъ, характеристику афинскаго государственнаго строя. Ему же вѣроятно, принадлежитъ и злонамѣренный анекдотъ о Семистоклѣ, который надѣлалъ столько хлопотъ произведенною имъ хронологическою путаницей.

Гедламъ и Ренакъ, во всякомъ случаѣ, имѣютъ въ виду только отмѣтить и устранить искажающіе посторонніе элементы трактата (*Scories — Reipach*). Ф. Рюль идетъ гораздо дальше. Его статья въ *Rheinisches Museum* *) написана грубымъ, раздраженнымъ тономъ и не оставляетъ за трактатомъ даже тѣхъ достоинствъ, которые признаетъ Кауэръ. Дѣло идетъ о смѣси ученическаго невѣжества и недомыслия съ диллеттантизмомъ. Знаменитая рукопись, которую провозгласили чуть не откровеніемъ, въ дѣйствительности полна поразительной чепухи.

Я не буду возвращаться къ тѣмъ пунктамъ, которые уже отмѣчены были при изложеніи брошюры Кауэра. Кромѣ нихъ, Рюль дѣлаетъ не мало и другихъ замѣчаній. Съ самаго же начала онъ настаиваетъ на неумѣніи автора расположить матеріалъ. Текстъ лондонскаго папируса начинается обрывкомъ разсказа объ истребленіи сообщниковъ Килона—о томъ святотатствѣ, которое бросило свою тѣнь на всю афинскую исторію. Затѣмъ слѣдуетъ характеристика гнета эвпатридовъ въ социальномъ и политическомъ отношеніи; она, конечно, должна была бы предшествовать разсказу о попыткѣ Килона, предполагавшей именно этотъ гнѣтъ. Господство эвпатридовъ называется древнимъ строемъ, первымъ строемъ государства, хотя по общему плану это уже второй строй, а первымъ надо считать порядокъ, установленный Иономъ. При этомъ авторъ постоянно отклоняется въ историческіе экскурсы. Самое социальное нестройство Атики передано очень неявно, потому что одно и то же выраженіе (*μισθωσις*) употреблено для обозначенія скуднаго заработка сельскихъ рабочихъ и высокой арендной платы оброчнаго крестьянина. Драконово законодательство, помимо всѣхъ остальныхъ возбужденныхъ имъ недоумѣній, изложено такъ, что очень трудно различить, какія должности были выборными по голосованію, какія по жребію. Относительно реформы Солона авторъ даже не сумѣлъ выбрать между двумя извѣстіями о сложеніи долговъ: онъ прямо высказался за полное сложеніе, а въ то же время допустилъ извѣстіе о демократической цѣли перечековки монеты, которое получаетъ смыслъ, только если принять частичное сложеніе долга—скидку въ 27%, соотвѣтственно пониженію цѣнности денежныхъ знаковъ. Повѣствованіе о раздорахъ изъ-за замѣщенія архонтскихъ мѣстъ затемняется неожиданнымъ прибавленіемъ, что спорили изъ-за мѣста архонта, какъ будто дѣло было только о первомъ архонтѣ. Хронологія Писистрата и Писистратидовъ безнадежно перепутана. О самомъ Писистратѣ подносится рядъ наивныхъ анекдотовъ, имѣющихъ цѣлью возве-

*) *Ueber die von M-r Kenyon veröffentlichte Schrift vom Staate der Athener*, 1891, 3-tes Heft. Въ 1892 г. послѣдовала вторая статья подъ заглавіемъ: *Der Staat der Athener und kein Ende*.

личить тиранию и тирана; относительно его сыновей дѣлаются разные ничтожныя поправки или придирки къ Фукидиду, и, въ то же время, искажены основныя и всѣмъ извѣстный фактъ, что заговоръ Гармодія и Аристогитона былъ вызванъ Гиппархомъ, а не Тетталомъ, какъ сказано почему-то въ трактатѣ. Описаніе Клизееновой реформы противорѣчитъ указаніямъ Аристотелевой *Политики*; тамъ сказано, что число культовъ было уменьшено и частныя родовыя культы обращены въ государственныя: въ трактатѣ утверждается, что въ отношеніи родовъ, фратрій и культовъ все осталось по старому. Исторія персидскихъ войнъ поставлена въ зависимость отъ такого случайнаго и единичнаго факта, какъ раздача ареопагомъ по 8 драхмъ на война передъ саламинскимъ походомъ. Къ тому же, извѣстія о роли ареопага иThemistocles противорѣчатъ другъ другу. Между Аристидомъ и Themistocles совершенно произвольно проводится контрастъ, какъ между руководителемъ внутренними дѣлами и военачальникомъ. Килонъ совершенно неумѣстно названъ молодымъ человѣкомъ при вступленіи его въ политическую дѣятельность. Для характеристики эпохи самыхъ блестящихъ побѣдъ и высшаго военнаго могущества аѳинянъ авторъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ замѣтить, что аѳинскими флотами и войсками командовали въ шестидесятыхъ годахъ V вѣка неумѣлые аристократы, такъ что въ каждомъ походѣ оставалось на мѣстѣ по двѣ и по три тысячи гражданъ. Описаніе дѣятельности Перикла—скудное, жалкое, не упомянуто даже о клерухіяхъ и постройкахъ. Въ исторіи Пелопоннесской войны авторъ не счелъ нужнымъ назвать Алкивіада, а въ разсказѣ объ аргинузскомъ процессѣ сдѣлалъ грубую ошибку: онъ считаетъ, что казнили всѣхъ десять стратеговъ, между тѣмъ какъ подверглись казни только шестеро. Антикварная часть вообще лучше исторической, но и тамъ найдется не мало крупныхъ недоразумѣній. Въ результатъ своего рѣзкаго осужденія Рюль категорически заявляетъ, что лондонскій текстъ невозможно приписывать Аристотелю и что каждое извѣстіе, сообщаемое имъ, должно считаться недостовернымъ, пока не будетъ доказано противное.

Но самоувѣренности и грубости тона не уступаютъ Рюлю заявленія извѣстнаго члена венгерской академіи наукъ, Ю. Шварца. И въ прибавленіи къ своей *Демократіи*, и въ особомъ докладѣ, напечатанномъ въ *Ungarische Revue*, этотъ безпощадный обличитель филологическаго невѣжества презрительно отозвался о работѣ Кеніона «и его послѣдователей» и потребовалъ, чтобы впредь не считали трактатъ принадлежащимъ Аристотелю, а признали на него права Димитрія Фалерскаго, который управлялъ Аѳинами отъ 317 до 307 года и написалъ нѣсколько сочиненій о политикѣ вообще и аѳинской государственной исторіи въ особенности. Двухъ-трехъ сопоставленій между *Политикой* Аристотеля и текстомъ Британскаго музея оказалось достаточно, чтобы показать представителю точныхъ государственныхъ знаній, что взгляды Аристотеля и автора трактата рѣзко противорѣчатъ другъ другу. Аристотель говоритъ, что Драконъ далъ законы, не измѣняя формы правленія, трактатъ же приписываетъ Дракону конституціонныя

мѣры; Аристотель считаетъ, что Солонъ предоставилъ народу избирать архонтовъ,—авторъ трактата, что избраніе ихъ было предоставлено жребію. Аристотель, неважный метойкъ, не могъ пользоваться архивами; онъ не имѣлъ возможности—да, повидимому, и охоты—сообщать такую массу данныхъ изъ государственнаго права и практики, какую даетъ трактатъ. Иное дѣло Димитрій Фалерскій, государственный человѣкъ, молодой, блестящій и т. д., и т. д. Едва ли стоить останавливаться далѣе на этихъ голословныхъ фантазіяхъ, которыя никого, впрочемъ, и не убѣдили. Для насъ имѣетъ интересъ только попытка, очевидно, неудачная—подыскать для папируса Британскаго музея другого автора.

Гораздо серьезнѣе сомнѣнія, высказанныя относительно авторства Аристотеля англійскими филологами, снисходившими до обстоятельнаго и даже кропотливаго изслѣдованія новаго источника. Ньюманъ *), извѣстный издатель *Политики* Аристотеля, обратилъ вниманіе на своеобразность слога новаго памятника. Это не поспѣшные и небрежные наброски, какъ можно было бы предположить на основаніи нѣкоторыхъ странностей содержанія и шероховатостей въ ходѣ мысли: слогъ тщательно обработанъ, рассчитанъ, очевидно, на обнародованіе книжки, а не на пользованіе самимъ авторомъ для освѣженія памяти. Стилистическая картина, однимъ словомъ, совершенно иная, нежели въ извѣстныхъ намъ сочиненіяхъ Аристотеля. Другіе эллинисты, въ особенности Гербертъ Ричардсъ **), задались цѣлью сопоставить лексическій матеріалъ и грамматическіе приемы завѣдомо Аристотелевыхъ сочиненій съ языкомъ и грамматикой вновь открытаго трактата. И опять получилось заключеніе, что Аристотель не могъ быть авторомъ трактата.

Такимъ образомъ, при всей разницѣ точекъ зрѣнія, приемовъ, отдѣльныхъ результатовъ, составила значительная группа ученыхъ, которые отвергаютъ авторство Аристотеля, нѣкоторые совсѣмъ, другіе для существенныхъ частей трактата. Въ большинствѣ случаевъ, этотъ отрицательный выводъ соединяется съ осужденіемъ извѣстной части содержанія.

III.

За волной порицанія послѣдовала волна защиты. Свирѣпый педантизмъ Рюля, заносчивость, чтобы не сказать—нахальство, Шварца, поспѣшность талантливаго Кауэра естественнo вызывали на рѣзкій отпоръ. Уже филологическія изысканія англичанъ не всѣхъ привели къ одному и тому же отрицательному выводу. Ученый и осмотрительный Гедламъ очень старательно подобралъ случаи «зіянія» между гласными *** (hiatus) въ новомъ трактатѣ, опредѣлилъ правила, устраняющія это явленіе, и допущенныя исключенія, и оказалось, что и правила, и исключенія до мелочей сходны съ

*) *Classical Review* 1891 г., № 4.

**) *Classical Review* 1891 г., № 7. Объ *Un-aristotelan Words* см. статью Буескула въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1892 г., июль.

***) *On the Use of the Hiatus in the Πολιτεία* (*Class. Rev.* 1891 г. № 6).

отношеніемъ къ *hiatus* въ несомнѣнныхъ сочиненіяхъ Аристотеля. Авторитетный Гемперъ занялъ рѣзкій протестъ противъ приѣмовъ Ричардса и другихъ критиковъ слога и грамматики въ новомъ трактатѣ. По его мнѣнію, отмѣченныя разлічія между трактатомъ и несомнѣнно Аристотелевыми сочиненіями не имѣютъ серьезнаго значенія; напротивъ, можно привести большое число своеобразныхъ выраженій и оборотовъ, свидѣтельствующихъ о принадлежности трактата Аристотелю. Онъ же составилъ опроверженіе по пунктамъ, направленное непосредственно противъ Рюля, но косвенно задѣвающее и Кауэра *).

Общая цѣль этой интересной работы—доказать, что *Politia Aemian* имѣетъ первоклассное значеніе, какъ историческій источникъ, а направленныя противъ немъ обвиненія почти все объясняются недоразумѣніями самихъ критиковъ. Прежде всего, необходимо совершенно отказаться отъ манеры упрекать автора за пробѣлы или опущенія. Здравый смыслъ требуетъ наслѣдить, по возможности, причины, почему объ однихъ фактахъ сказано, о другихъ умолчано. Въмѣсто этого, сопоставляютъ весь свой багажъ свѣдѣній по исторіи Аемни съ отрывочными сообщеніями Аристотеля, отмѣчают нѣкоторые излишніи и провозглашаютъ умолчаніе Аристотели преступнымъ и бессмысленнымъ. Вѣдь, при такомъ приѣмѣ и знаменитая *Аристотелиа* Фукидида не выдержитъ ни малѣйшей критики.

Иногда шумъ, поднятый изъ-за яко бы «грубыхъ недоразумѣній» источника, устраняется какою-нибудь нехитрою поправкой чтенія (см., наприм., 9, 10). Иногда критикъ обнаруживаетъ своими возраженіями собственное недостаточное знаніе греческаго языка или недостаточную внимательность. Вольно Рюлю приписывать слову *μισθός* двоякій смыслъ въ предложеніи, въ которомъ оно, очевидно, имѣетъ только одно точное значеніе арендной платы. Вольно ему возмущаться переходомъ отъ архонтовъ въ множественномъ къ архонту въ единственномъ, когда въ последнемъ случаѣ слово употреблено коллективно, какъ общее названіе должности. Между магистратами, избранными народомъ и избранными жребіемъ въ конституціи Дракопа, совершенно правильно провести разлічіе еще Кеніонъ. Существованіе тимократическихъ дѣленій при Драконѣ, и даже еще ранѣе, не имѣетъ личаго страшнаго. Сказано, вѣдь, уже въ третьей главѣ, что въ эвпатридескомъ государствѣ выбирали начальниковъ по знатности и богатству. И съ общераспространенными извѣстіями о реформѣ Солона нѣтъ неразрѣнимаго противорѣчія,—последній, очевидно, установилъ постоянное соотвѣтствіе между существовавшими классами и политическими правами. По всѣмъ вѣроятіямъ, тогда же были введены и названія классовъ по числу мѣръ дохода, между тѣмъ какъ раньше они именовались общими терминами—всадники, зевгиты, теты. Хронологію Писистрата и Писистратидовъ привелъ въ порядокъ Кеніонъ. Главное, путаница въ отдѣльных фактахъ

*) *Die Schrift von Staatswesen der Athener und ihr neuester Beurtheiler* (Wien, 1891 г.).

не удивить никого, кто знакомъ съ палеографіей чиселъ. Въ греческихъ рукописяхъ постоянно происходятъ подобныя и еще худшія недоразумѣнія. А фактическія свѣдѣнія объ эпохѣ тирановъ не только не наивны, а, напротивъ, драгоценны и существенно пополняютъ наши прежнія свѣдѣнія. Описание реформы Клисоена останавливаетъ безпристрастнаго наблюдателя поразительнымъ соотвѣтствіемъ между *Политикой* Аристотеля и вновь открытою *Политіей*. Извѣстія о переверсткѣ филъ и демовъ существенно дополняютъ короткое сообщеніе *Политики*, а мѣсто о культахъ ничего не доказываетъ по двумъ причинамъ: въ *Политикѣ* Аристотель говоритъ о цѣломъ рядѣ мѣръ, изъ которыхъ однѣ примѣнялись въ Аѣинахъ, другія въ Киренѣ. Почему относить уменьшеніе числа культовъ къ Аѣинамъ, а не къ Киренѣ? А затѣмъ въ лондонскомъ текстѣ дѣло идетъ не о государственномъ распредѣленіи культовъ и родовъ, которое было, конечно, измѣнено Клисоеномъ, а о правѣ каждаго частнаго лица слѣдовать своимъ прирожденнымъ культамъ и родственнымъ связямъ. Только сопоставленіе обоихъ мѣстъ собственно и даетъ полную картину реформы, которая, въ одно и то же время, устранила родовой порядокъ въ политическомъ отношеніи и сохранила его въ религіозномъ.

Рюль (и Кауэръ) порицаетъ автора трактата за то, что онъ выставилъ Аристиду какъ бы зачинщикомъ радикальной перемѣны отъ земледѣльческаго труда и раздробленнаго пребыванія народной массы въ деревняхъ къ поселенію въ городѣ и пользованію государственными средствами для своего прокормленія. Переворотъ имѣетъ капитальное значеніе, и Аристотель приписываетъ Аристиду первый толчокъ къ нему. Дѣлаетъ онъ это въ формѣ, болѣе свойственной древнему, чѣмъ современному писателю—въ формѣ какъ бы прямого обращенія къ народу. Если отбросить эту нѣсколько своеобразную форму, то останется важное извѣстіе, которымъ надо дорожить, а не пренебрегать. Извѣстіе о томъ, что Θεμιστοκλѣс участвовалъ въ сверженіи ареопага, не точно, какъ показалъ Шелль. Вычеркнемъ его,—самъ Рюль признаетъ, что эта отдѣльная невѣрность не подрываетъ авторства Аристотеля. Найдутся и другія ошибки. Дѣйствительно, невѣрно, на примѣръ, что аѣиняне приговорили и казнили послѣ побѣды при Аргинузахъ десять стратеговъ. Но какъ разъ этотъ случай особенно заслуживаетъ вниманія—и не въ цѣляхъ разрушенія трактата. Ошибка, ошибка несомнѣнная; но еслибъ та же ошибка оказалась хотя бы въ *Апологии* Сократа, составленной Платономъ, имѣли бы мы право сказать, что *Апология* свидѣтельствуетъ о грубомъ невѣжествѣ ея автора и не могла быть написана Платономъ? А, вѣдь, дѣло стоитъ именно такъ,—*Апология* говоритъ о казни 10 стратеговъ. Рядъ своихъ опроверженій Гомперцъ заканчиваетъ протестомъ противъ обычая создавать какого-то отвлеченнаго и непогрѣшимаго Аристотеля и объявлять несовмѣстнымъ съ его достоинствомъ всякую субъективную окраску, небрежность изложенія, неточность свѣдѣній. Такимъ путемъ можно придти развѣ къ тому, что за идеальнымъ Аристотелемъ вообще никакихъ сочиненій не останется. Въ дѣйствительности, мы

имѣемъ дѣло съ громадною начитанностью, трезвымъ умомъ и глубокимъ пониманіемъ государственной жизни, которыя объясняютъ великое множество капитальныхъ данныхъ въ *Политикѣ*, но нисколько не ручаются за непререкаемую истину всѣхъ подробностей. Надо свѣрять и пользоваться, а не отвергать огуломъ драгоценный матеріалъ потому, что въ него замѣшалось нѣсколько сору.

Бузольтъ въ *Philologus* *) разобралъ вопросъ о сомнительной четвертой главѣ, посвященной законодательству Дракона. Онъ призналъ, что между ея содержаніемъ и постановленіями конституціи 411 года есть поразительное сходство, но, спрашивается, чѣмъ объясняется оно: поддѣлкой разсказа о Драконовскомъ порядкѣ со стороны олигарховъ или, наоборотъ, заимствованіемъ архаическихъ чертъ реформаторами 411 года? Последнее еще естественнѣе перваго, а въ частности, которыя намъ сообщаются, нѣтъ ничего такого, чтó было бы немыслимо въ концѣ VII вѣка. Путемъ довольно, впрочемъ, запутаннаго разсчета Бузольтъ старается отстоять даже низкій цензъ въ 10 минъ для архонтовъ.

Нимейеръ въ *Jahrbücher für Philologie und Pädagogik* **) и Петеръ Мейеръ въ особой брошюрѣ ***) коснулись коренного вопроса о противорѣчіяхъ, яко бы существующихъ между *Политикой* Аристотеля и вновь открытымъ текстомъ. Не особенно удовлетворяетъ объясненіе, которое даетъ Мейеръ по поводу разногласія въ описаніи реформы Дракона. Последняя глава II книги *Политики*, въ которой сказано, что Драконъ далъ законы, но не конституцію, признается подлинною и дѣлается попытка доказать, что и по трактату выходятъ только законы, а не конституція. Гораздо проще было держаться обычнаго взгляда, по которому заподозривается *Pol.* II, 12. Но другія замѣчанія заслуживаютъ вниманія. Относительно избранія архонтовъ при Солонѣ противорѣчія, въ сущности, нѣтъ, потому что трактатъ хотя и упоминаетъ о жребіи, но ограничиваетъ его такимъ небольшимъ кругомъ кандидатовъ, что самое опредѣленіе этихъ кандидатовъ было вполне естественно назвать избраніемъ.

Между *Политикой* и трактатомъ не только нѣтъ непримиримыхъ противорѣчій, напротивъ, между ними замѣчается рядъ совпаденій, которыя нельзя объяснить случайностью. Въ трактатѣ видное мѣсто занимаетъ, напримѣръ, извѣстіе, что ареопагъ выдвинулся во время персидскихъ войнъ и занялъ руководящее положеніе въ государствѣ. На то же обстоятельство есть короткое указаніе уже въ *Политикѣ*, которое осталось мало замѣченнымъ, а теперь получило настоящее значеніе. Мѣры, приписываемыя Писистрату, совершенно соотвѣтствуютъ программѣ дѣйствій тирановъ, какъ она изложена въ политикѣ. Есть и другія частности, но главное, общее политическое направленіе лондонскаго текста до мелочей подходитъ къ ученію *Политики*. Та же антипатія къ полной демократіи и необходимо связанная съ нею

*) 1891 г. В. 50, Н. 3.

**) 143 В. 1891 г.

***) *Des Aristoteles Politik und die 'Αθηναίων Πολιτεία*.

раздачамъ, то же стремленіе къ среднимъ формамъ и «смѣшанному» устройству. Сужденіе 41 главы, которое Кауэръ выдвинулъ, чтобы подтвердить свою гипотезу объ участіи двухъ лицъ въ составленіи трактата, не только не противорѣчитъ духу *Политики*, но представляетъ одинъ изъ самыхъ разительныхъ примѣровъ совпаденія. Въ самомъ дѣлѣ, папирусъ Британскаго музея признаетъ преимущество демократіи надъ олигархіей не вообще и во всѣхъ дѣлахъ, а въ отправленіи правосудія *). И какъ разъ специальный и своеобразный мотивъ такого предпочтенія особенно обстоятельно разъясняется въ *Политикѣ*. Въ демократіи меньше данныхъ для испорченности судей, чѣмъ при господствѣ немногихъ, подобно тому, какъ большое количество воды труднѣе подвергается порчѣ, чѣмъ малое.

IV.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ поля битвы между защитниками и врагами лондонскаго папируса начинается самостоятельная группа изслѣдователей, которая отстраняется отъ чисто-отрицательной критики и отъ апологій. Эта позиція опредѣлилась именно вслѣдствіе хода борьбы и выяснившихся односторонностей неумѣреннаго восхваленія и неумѣреннаго порицанія. Рано или поздно должно было оказать рѣшительное вліяніе то соображеніе, что можно признать особенности и слабыя мѣста въ трактатѣ и попытаться объяснить ихъ не устраненіемъ Аристотеля изъ задачи, а, напротивъ, могущественнымъ воздѣйствіемъ положенія, обстановки, субъективныхъ взглядовъ. Намеки на это есть, конечно, и въ разобранной уже литературѣ, но тамъ они обрываются на отдѣльныхъ сопоставленіяхъ и уступаютъ мѣсто адвокатскимъ или прокурорскимъ рѣчамъ. Въ первый разъ мысль о руководящей тенденціи трактата, которая должна сдѣлаться ключомъ къ его объясненію, проведена въ очень странномъ произведеніи, еще болѣе характерномъ для нашего времени, чѣмъ для исторіи антикварныхъ вопросовъ. Я разумѣю брошюру Пауля Касселя: *Vom neuen Aristoteles und seiner Tendenz*. Авторъ упоминаетъ въ посвященіи книжки, что онъ когда-то, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, работалъ въ семинаріи Ранке. Слѣдъ идей знаменитаго историка, пожалуй, замѣтенъ въ этомъ позднемъ отпрыскѣ. Ранке умѣлъ съ несравненнымъ искусствомъ показать, какъ на политической мысли и историографическихъ работахъ извѣстнаго поколѣнія отзывается злоба дня. Этюды о раздѣленіи властей, о теоріи царевубійства, съ одной стороны, многочисленные критическіе обзоры и экскурсы—съ другой, даютъ просто классическіе образцы подобнаго рода изслѣдованій. Но брошюра ученика Ранке—хорошій педагогическій примѣръ каррикатурнаго пре-

*) Объ афинскихъ судахъ въ связи съ трактатомъ Аристотеля см. статью проф. Мищенко въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1892 г., сентябрь. Эта статья и изслѣдованіе Дареста въ *Journal des Savants*, Mai, 1891, представляютъ мнѣ наиболѣе цѣнными изъ работъ, посвященныхъ второй, антикварной части трактата. Часть эта пока едва затронута научною критикой.

увеличенія, до котораго людская ограниченность можетъ довести самую плодотворную идею. Авторъ совершенно безконтрольно, можно сказать, до потери сознанія, отдался руководству квасного патріотизма, въ самой наивной и смѣхотворной формѣ. Чего только у него нѣтъ! Македонцы являются избраннымъ племенемъ, которое примѣсю своего здороваго варварства спасло греческую культуру отъ гніенія, какъ свѣжая кровь германцевъ сохранила культурную живучесть западнаго, римскаго міра. И немудрено, вѣдь, македонцы были германцы! Объ этомъ свидѣлствуютъ нѣмецкія имена ихъ рѣкъ *). Истинная тенденція Аристотеля, которая все объясняетъ,—его убѣжденный монархизмъ. Тиранія и олигархія просто переходныя формы отъ демократіи, и онѣ губятъ государство. «Единственно монархія,—мысль эта чувствуется за всѣми остальными,—единственно монархія, господство исполняющаго свой долгъ монарха обладаетъ прочностью, успѣхомъ, могуществомъ. Аристотель былъ заклятый врагъ демократическаго строя. Его идеалъ была древняя, наслѣдственная, патріархальная, добросовѣстная монархія. Живи онъ въ Пруссіи, онъ писалъ бы не иначе, чѣмъ писалъ, въ дѣйствительности, при дворѣ Филиппа и Александра» (стр. 10). Понятно, почему онъ такъ обстоятельно рассказываетъ о Писистратѣ, онъ хотѣлъ показать средство тираніи и демократіи. Исторія освобожденія Аѳинъ отъ тирановъ также передана характерно: изгналъ ихъ Клеоменъ, царь спартанскій. «Значить, не демократія, а монархія, наслѣдственная и законная монархія, какъ она существовала въ Спартѣ, устранила тирановъ» (стр. 21). Затѣмъ идетъ исторія превращенія Аѳинъ въ демократическое государство подъ вліяніемъ развитія мореплаванія. Аристотель осуждаетъ и то, и другое. «Вѣдь, Македонія не была морскою державой, и Александръ Великій не былъ морскимъ героемъ» (стр. 26). Въ общемъ выходитъ, что текстъ, опубликованный Кеніономъ, есть настоящий политическій памфлетъ и составленъ въ посрамленіе демократіи, которую необходимо было подорвать въ мнѣніи аѳинянъ, чтобы расчистить дорогу монархическимъ убѣжденіямъ. Не знаю, какъ другимъ, но для меня книжка Касселя является доказательствомъ, что бываютъ формы политической маніи, не менѣе опасныя, чѣмъ религіозное сумасшествіе. Я нѣсколько подробнѣе остановился на этомъ произведеніи;

*) Въ данномъ случаѣ Касселя приходится обвинить въ ужасномъ плагиатѣ: онъ заимствовалъ свою аргументацію не у кого иного, какъ у капитана Флюэллена (см. *Шекспиръ*: „Генрихъ V“, сд. VII. Флюэлленъ) (Да, это такъ). „Александръ родился въ Македоніи, и я могу увѣрить васъ, капитанъ, что если вы бросите взглядъ на карту, то найдете большое сходство между Македоніей и Монмоусомъ. Въ Македоніи есть рѣка; въ Монмоусѣ ее зовутъ Вайя, а какъ зовутъ другую—совсѣмъ вышло изъ моей памяти; но это не большая бѣда: онѣ обѣ похожи одна на другую, какъ два пальца на руку, и въ обѣихъ есть семга. Если вы рассмотрите жизнь Александра и жизнь Гарри Монмоусъ, то вы найдете между ними большое сходство, потому что всѣ вещи имѣютъ свою фигуру. Александръ, какъ вы знаете, въ принадлежъ гнѣва, ярости, бѣшенства и неудовольствія, когда, притомъ, мозгъ его былъ немножко пьянъ, убилъ на пиру своего лучшаго друга Канта“ и т. д. (пер. Гербеля). Я обязанъ этимъ разоблаченіемъ моему ученику и пріятелю, М. М. Покровскому.

чѣмъ, можетъ быть, заслуживало его содержаніе. Но оно любопытно, какъ рѣзкое проявленіе болѣзни, которою страдаетъ далеко не одинъ Кассель. Рядомъ съ нимъ приходится поставить работу очень извѣстнаго и, въ самомъ дѣлѣ, заслуженнаго историка, который, исходя отъ того же самого по себѣ законнаго желанія опредѣлить роль тенденціи, представилъ рядъ остроумныхъ, иногда увлекательныхъ, часто шаткихъ догадокъ и заключеній. Дѣло идетъ о статьѣ Ниссена въ *Rheinisches Museum*. Уже Гомперцъ совершенно основательно протестовалъ противъ созданія отвлеченнаго мудреца Аристотеля — какого-то кумира, къ которому невозможно приступить съ примѣнимыми ко всемъ людямъ возможностями ошибки или увлеченія. Ниссенъ берется изгнать этотъ «безкровный призракъ» изъ области политическихъ работъ Аристотеля.

Прежде всего, онъ проводитъ рѣзкое разграниченіе между этими политическими писаніями и философскими. По его мнѣнію, *Политика* принадлежитъ къ послѣднимъ, описанія государственнаго устройства греческихъ городовъ — къ первымъ. *Политика* даетъ рядъ обобщеній, частью добытыхъ діалектическимъ путемъ, частью извлеченныхъ изъ наблюденій. *Политикѣ* даютъ именно наблюденія и описанія, но въ такомъ видѣ, который совершенно не годится для философскихъ обобщеній и долженъ быть истолкованъ иными цѣлями. Центръ тяжести переносится въ практику администраціи, изложеніе запутывается во множествѣ мелочей, которыя не даютъ рѣшительно никакой пины философскому мышленію. Онѣ введены и не ради своего историческаго значенія. Антикварная часть афинской *Политикѣ* занята описаніемъ дѣйствующихъ учреждений, которое во время Аристотеля не имѣло историческаго интереса, а историческія главы представляютъ только очеркъ и введеніе. Притомъ, Аристотель не любилъ историческихъ занятій и не придавалъ особеннаго значенія добываемому ими матеріалу. Онъ прямо сравниваетъ исторію и поэзію въ своей политикѣ и отдаетъ предпочтеніе второй, потому что, какъ онъ выражается на своемъ условномъ языкѣ, поэзія описываетъ общее въ явленіяхъ ($\tau\acute{\alpha} \kappa\alpha\theta\omicron\lambda\omicron\upsilon$), а исторія разсматриваетъ въ нихъ частное ($\tau\acute{\alpha} \kappa\alpha\theta' \epsilon\chi\alpha\sigma\tau\omicron\nu$). За то конецъ Никомаховой этики представляетъ такое же опредѣленное указаніе относительно цѣли политическихъ занятій автора. Онъ порицаетъ софистовъ, которые воображаютъ, что можно заниматься законодательствомъ, не изучивъ предварительно разнообразія политическихъ формъ и процессовъ. Эти лжеучители похожи на людей, которые пустились бы лечить по случайно извѣстнымъ имъ рецептамъ, не познакомившись предварительно съ свойствами человѣческаго организма, проявленіями и причинами захватывающихъ его болѣзней. Истинное законодательство должно опираться на знакомство съ дѣйствующими въ разныхъ комбинаціяхъ учреждениями. И вотъ именно этой практической цѣли, — подготовить нужный законодателю политическій матеріалъ, — отвѣчали *Политикѣ*. Съ ними близко соприкасались другія работы Аристотеля, также разрѣшавшія непосредственно настоятельные вопросы. Онъ оставилъ книги о законахъ, которыя, надо думать, были

посвящены законодательной реформѣ, произведенной авторомъ въ его родной Стагирѣ. А подготовительнымъ изслѣдованіемъ къ этому законодательству была, надо думать, книга о таблицахъ Солона. Составлены были «приговоры» (*δικαιώματα*), которые, надо думать, разбирали международные споры греческихъ городовъ, поступившіе на разсмотрѣніе Филиппа послѣ битвы при Хероней. Изслѣдованія Аристотеля сдѣлались, надо думать, основаніемъ территориальной развертки Греціи и продержались въ этомъ смыслѣ вплоть до римскаго завоеванія. Одна сторона *Политій* и какъ разъ та, которая на первый взглядъ кажется особенно недостойною философа и критическаго ученаго, — легенды объ основаніи государствъ (*κτίσεις*), географическія и этнографическія словопроизводства, — имѣтъ тѣсную связь какъ разъ съ этими запросами практики. Вѣдь, греческіе города основывали свои территориальныя притязанія особенно охотно на подобныхъ словопроизводствахъ и легендарныхъ генеалогіяхъ. Но этимъ не исчерпывается и меньшая часть собраннаго въ *Политіяхъ* матеріала. Для какой же цѣли предназначались масса справокъ о дѣйствовавшихъ въ Греціи учрежденіяхъ и обзоры ихъ историческаго происхожденія? Надо думать, для Александра Великаго, который только что закончилъ свои побѣдоносные походы. До насъ дошелъ памятникъ довольно апокрифическаго вида — арабскій переводъ письма, адресованнаго, яко бы, Аристотелемъ своему знаменитому ученику. Ниссенъ не задумывается признать его подлиннымъ и видитъ въ немъ ключъ къ объясненію *Политій*. Аристотель совѣтуетъ въ этомъ посланіи заняться законодательствомъ по окончаніи военной дѣятельности. И вотъ характеристики государственнаго строя должны были послужить руководящимъ пособіемъ при задуманныхъ обширныхъ преобразованіяхъ. Въ такомъ вмѣшательствѣ философа въ практическую политику не было ничего страннаго, — все пребываніе Аристотеля въ Аѣнахъ объясняется Ниссеномъ, какъ политическая миссія. Онъ и его школа исполняли тамъ роль тѣхъ университетовъ, которые служатъ не только наукѣ, но и политикѣ: авторъ, можетъ быть, имѣлъ при этомъ въ виду Страсбургъ.

То, что извѣстно изъ содержанія *Политій*, подтверждаетъ, по мнѣнію Ниссена, эту гипотезу. Во-первыхъ, трактатъ объ Аѣнахъ умалываетъ значеніе героевъ, вродѣ Θεμιστοκля и Περικля. Онъ, такъ сказать, приправляетъ мѣстную традицію на македонскій ладъ. Громадное собраніе административныхъ свѣдѣній, конечно, было не дѣломъ одного человѣка. Аристотель руководилъ работой и, вѣроятно, особенно живое участіе принималъ въ составленіи трактата объ Аѣнахъ, какъ о главномъ греческомъ государствѣ. Но кромѣ него прямо упоминается, какъ участникъ въ этомъ дѣлѣ, Θεοφραστοςъ, а не трудно догадаться, что работала цѣлая школа. Только такимъ кооперативнымъ способомъ можно было составить 158 очерковъ, мѣстами очень детальныхъ, насколько можно судить по дошедшему до насъ антикварному отдѣлу *Аѣинской Политіи*. Мало того, подобныя детали немислимо было достать безъ обширной и, притомъ, официальной переписки. Сохранилось извѣстіе, что Александръ приказалъ своимъ войскамъ собирать

свѣдѣнія и коллекціи для зоологическихъ работъ Аристотеля, и оно объясняетъ необыкновенно обширное знакомство философа съ животными формами. Еще болѣе естественно предположить, что Аристотель воспользовался помощью своего могущественнаго покровителя для административныхъ справокъ по греческимъ городамъ. И такъ, если вѣрить Ниссену, мы имѣемъ въ текстѣ лондонскаго папируса цѣнный отрывокъ изъ трудовъ законодательной комиссіи при македонскомъ правительствѣ, председателемъ которой былъ Аристотель. Понятно, что при такой непосредственно практической постановкѣ дѣла не приходится искать въ трактатѣ ни философскаго умозрѣнія, ни безпристрастной исторіи. Тенденція умѣренной олигархіи, ясно выраженная въ текстѣ, совершенно умѣстна. Ея вліяніе съ очевидностью обнаружилось вскорѣ послѣ изданіи трактата. Въ 323 году умеръ Александръ, въ 322 г.—Аристотель, и въ этомъ же году возгорѣлась такъ называемая замійская война,—отчаянная попытка аеинянъ и другихъ грековъ свергнуть македонское иго. Македонскій правитель Антипатръ побѣдилъ и немедленно переустроилъ Аѣны по образцу, рекомендованному Аристотелемъ. 12,000 человекъ потеряли право гражданства, и государство было передано въ руки голпитовъ,—совершенно согласно поученіямъ Аристотелевой *Политіи*.

Не трудно замѣтить, что Ниссенъ допустилъ въ своей работѣ много недоказанныхъ, а иногда и невѣроятныхъ предположеній. Но нельзя не признать, что точка отправления вѣрна. Мы не имѣемъ никакого основанія считать Аристотеля непогрѣшимымъ историкомъ, потому что онъ великій философъ. Только не лучше ли было бы заняться не догадками о точныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ составлена каждая книга Аристотеля,—для этого у насъ слишкомъ мало данныхъ,—а изученіемъ пріемовъ и источниковъ, которые направили Аристотеля въ извѣстную сторону, открыли ему извѣстныя данныя и ввели въ извѣстныя ошибки?

Нельзя сказать, чтобъ эта точка зрѣнія совсѣмъ не выдвигалась въ литературѣ. У Кауера можно найти нѣсколько недурныхъ замѣчаній относительно пользованія источниками въ трактатѣ. Профессоръ Штернъ вполне справедливо подчеркнул методологическое требованіе, чтобы при сужденіи объ извѣстіяхъ трактата были, прежде всего, опредѣлены его первоисточники *). Де-Санктисъ **) и Маканъ ***) сдѣлали первыя значительныя попытки въ этомъ направленіи, причемъ итальянскій ученый ограничился анализомъ извѣстій отъ времени Елисеена до переворота 411 года. И у него, и у англійскаго изслѣдователя получились въ общемъ не особенно благопріятныя для трактата результаты. Маканъ даже прямо высказался противъ авторства Аристотеля. Но наиболѣе важныя и любопытныя изслѣдованія въ намѣченномъ направленіи произведены были уже въ послѣднее время Фердинандомъ Дюмлеромъ и Бенедиктомъ Нисе.

*) Одесса, 1892 г.

**) *Rivista di filologia*, 1891.

***) *Journal of Hellenic Studies*, XII, 1.

Статья Дюмлера появилась въ *Гермесъ* подъ заглавіемъ *Die 'Aθραιων Πολιτεία des Kritias*. Уже самый заголовокъ сообщаетъ о ея главномъ результатѣ. Разсмотрѣніе вновь открытаго трактата, дѣйствительно, не оставляетъ никакого сомнѣнія, что въ числѣ его источниковъ на видномъ мѣстѣ стояло сочиненіе знаменитаго Критія, ученика Сократа и софистовъ, начавшаго свою карьеру аѣнскимъ демократомъ, затѣмъ бѣжавшаго изъ Аѣны, пытавшагося поднять ѳессалійскихъ пенестовъ на соціальныя перемены и вернувшагося въ Аѣны, чтобы прославиться своимъ кровожаднымъ предводительствомъ въ эпоху 30 тирановъ.

О Критіи подумалъ первый пріятель Дюмлера, Фабриціусъ. Онъ обратилъ вниманіе на обвиненіе Солона въ томъ, что тотъ далъ знать своимъ друзьямъ о задуманномъ уничтоженіи долговыхъ обязательствъ. Друзья будто бы поспѣшили набрать побольше денегъ взаймы и закупить на нихъ земли. Когда послѣдовало уничтоженіе долговъ, ихъ кредиторы разорились, а сами они разбогатѣли. Аристотель передаетъ этотъ злостный рассказъ и не подвергаетъ сомнѣнію самый фактъ финансовой операціи, а только выгораживаетъ Солона, отрицая его личное участіе въ такомъ позорномъ дѣлѣ. У Плутарха въ біографіи Солона происшествіе рассказано подробно и добавлены имена недобросовѣстныхъ заемщиковъ. Они оказываются предками Конона, Алкивіада и Каллія. Есть и другіе признаки, указывающіе на составленіе анекдота во время партійной борьбы и литературной полемики въ концѣ Пелопоннесской войны. Что рѣчь идетъ о работѣ Критія, выясняется, главнымъ образомъ, изъ сравненія 9 и 35 главъ нашего трактата. Въ первой приводится и критикуется мнѣніе какого-то олигарха, нападавшаго на законодательство Солона за его неясность и двусмысленность и предполагавшаго, что законодатель нарочно хотѣлъ усилить этимъ вмѣшательство и вліяніе судовъ. Въ 35-й главѣ сообщается, что именно Критій принялъ мѣры къ упрощенію законовъ Солона и къ устраненію изъ нихъ всего двусмысленнаго и темнаго. Въ приведенныхъ случаяхъ Аристотель имѣлъ въ виду Критія, но полемизировалъ противъ него. Надо думать, что въ другихъ мѣстахъ онъ имъ прямо воспользовался—не въ описаніяхъ реформы Дракона или паденія ареопага, однако, которыя Дюмлеръ считаетъ результатомъ самостоятельнаго изслѣдованія, а, напримѣръ, при характеристикѣ Кимона и партій его времени. Интереснымъ дополненіемъ служатъ мнѣнія, приведенныя изъ рѣчей Исократъ: знаменитый ораторъ дѣлаетъ въ нихъ рядъ намековъ и нападеній на политику 30 тирановъ и на взгляды Критія. Повторяю, послѣ статьи Дюмлера можно считать вполне установленнымъ, что политическій памфлетъ Критія послужилъ однимъ изъ источниковъ аѣнской политики Аристотеля *). Менѣе удачными и весьма проблематичными кажутся мнѣ соображенія Дюмлера о пользованіи надгробною рѣчью, составленною софистомъ Горгіемъ.

*) *A tout seigneur tout honneur*. Не слѣдуетъ забывать, что первый поднималъ вопросъ о пользованіи критеріемъ Т. Ренакъ. Дюмлеръ, какъ это часто случается, почти игнорируетъ своего предшественника.

Статья Низе появилась въ Зибельской *Historische Zeitschrift*. Низе заявилъ себя тонкимъ знатокомъ и критикомъ Гомеровскаго эпоса, и его замѣчанія во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія. До нѣкоторой степени онъ примыкаетъ къ Кауэру и Рюлю. Правда, онъ вполне убѣжденъ въ авторствѣ Аристотеля, но за то онъ признаетъ основательными большую часть возраженій, которыя дѣлаются противъ трактата. Дѣло объясняется просто: при описаніи современныхъ учреждений во второй часті Аристотель говоритъ по собственному наблюденію, и тутъ его свидѣтельства имѣютъ великое значеніе. А въ историческомъ очеркѣ онъ не затруднялъ себя самостоятельнымъ документальнымъ изученіемъ и ни въ чемъ не проявилъ глубокаго пониманія исторической жизни.

Первыя 41 глава трактата представляютъ ничто иное, какъ выборку государственно-правовыхъ фактовъ изъ общедоступныхъ историческихъ сочиненій IV вѣка, главнымъ образомъ, изъ какой-нибудь Аттиды, т.-е. мѣстной исторіи Аттики. Чтобы доказать свое мнѣніе, Низе возвращается, во-первыхъ, къ списку прегрѣшеній, составленному Кауэромъ и Рюлемъ, и прибавляетъ еще кое-какія несообразности и противорѣчія. Во всѣхъ случаяхъ, когда Аристотель исправляетъ или измѣняетъ рассказъ Геродота или Фукидида, Низе отвергаетъ поправки, объявляетъ ихъ произвольными, недоказанными. Пользованіе Аттидами или Аттидой можно, дѣйствительно, считать установленнымъ. Нашъ критикъ не видитъ, однако, въ этомъ никакого ручательства за достовѣрность содержанія. Аттиды распредѣляли матеріалы древней исторіи по годамъ, и упоминаніе архонтовъ придавало имъ и придаетъ теперь трактату Аристотеля внѣшній видъ точности, документальности. Но въ чемъ ручательство, что это размѣщеніе по архонтамъ имѣетъ серьезныя основанія? Низе безъ дальнѣйшихъ разсужденій устраняетъ извѣстія о первомъ остракизмѣ, годѣ возвращенія Аристида и т. п. Съ полнымъ скептицизмомъ относится Низе ко всѣмъ фактамъ, переданнымъ о времени Клизеена. Аристотель даетъ рядъ анекдотовъ о Писистратѣ; всѣ его анекдотическіе рассказы не болѣе какъ позднѣйшія выдумки. Затѣмъ, онъ сообщаетъ свѣдѣнія объ ареопагѣ, реформѣ Дракона, Солоновомъ устройствѣ,—все это основано на соображеніяхъ и догадкахъ и не имѣетъ никакой достовѣрности. Надо отдать справедливость смѣлости нѣмецкаго критика: онъ обращается уже не противъ одного Аристотеля, а противъ всего, что считалось въ данномъ случаѣ установленнымъ. Читатель испытываетъ нѣкоторое головокруженіе, когда у него исчезаетъ совѣтъ 400, о которомъ онъ училъ въ гимназій, когда оказывается, что Солонъ никакого переустройства учреждений не произвелъ, а только составилъ гражданское, уголовное и полицейское законодательство. На этой работѣ можно сдѣлать странное психологическое наблюденіе, о которомъ, конечно, не приходилось и помышлять при первомъ ознакомленіи съ литературой. Не мало и усердно работаютъ ученые, особенно нѣмецкіе, надъ интересною находкой; приступаютъ къ ней со всѣми предписанными наукой предосторожностями, сплошь и рядомъ начинаютъ съ правильныхъ и цѣнныхъ наблюде-

ній. Но затѣмъ всѣми овладѣваетъ какое-то загадочное безуміе, которое прямо уноситъ изслѣдователей въ область нелѣпаго. Одни поражены фанатическимъ увлеченіемъ и непрерывно славословятъ; другіе проникаются берсеркерскою яростью; третьи думаютъ разгадать всѣ тайны автора съ помощью простой подстановки политическихъ понятій современной Германіи; четвертые во имя критики пытаются стяжать славу Герострата и Колумба, разрушить и создать новую исторію Аѳинъ V вѣка. Кто знаетъ, можетъ быть, старый папирусъ, пролежавшій восемнадцать вѣковъ въ египетской гробницѣ и непочтительно вынесенный на свѣтъ Божій англичанами, заколдованъ и приносить несчастье всѣмъ, кто имъ занимается?

Утѣшительно то, что заговоръ, повидимому, поражаетъ изслѣдователей преимущественно въ концѣ ихъ работы. Въ началѣ и въ серединѣ многимъ можно воспользоваться. Конечно, цѣль настоящей статьи была охарактеризовать движеніе литературы, а не изучать источникъ по существу. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется не лишнимъ и совершенно возможнымъ закончить литературный обзоръ указаніемъ на нѣкоторыя общія положенія, которыя представляются уже достаточно установленными. Ихъ не мало, и они не лишены значенія.

1) Обнародованный Кеніономъ трактатъ составленъ или самимъ Аристотелемъ, или подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ и отвѣтственностью.

2) Между показаніями и языкомъ трактата, съ одной стороны, *Политики*—съ другой, нѣтъ неразрѣшимыхъ противорѣчій или различій.

3) Сочиненіе, посвященное Аѳинамъ, входило въ составъ большого собранія *Политій*, составленнаго школой Аристотеля съ главною цѣлью описать дѣйствующія учрежденія греческихъ государствъ и при этомъ дать очерки ихъ исторіи.

4) Непосредственною цѣлью служить македонской политикѣ или ниспроверженію демократіи эти работы не задавались.

5) При возстановленіи фактовъ отдаленнаго прошлаго Аристотель и его ученики пользовались приемами, напоминающими методы современныхъ изслѣдователей, въ особенности толкованіемъ переживаній и косвенными выводами. Въ этомъ отношеніи Аристотель слѣдовалъ примѣру Фукидида.

6) Однимъ изъ главныхъ источниковъ при изложеніи исторіи Аѳинъ послужили такъ называемыя Аттиды, въ которыхъ народныя легенды были приурочены къ лѣтописной рамкѣ. Кромѣ того, въ Аттидахъ сохранился рядъ цѣнныхъ извѣстій изъ документальныхъ источниковъ.

7) Однимъ изъ главныхъ предшественниковъ Аристотеля по обработкѣ политической исторіи Аѳинъ былъ алигархъ Квитій. Аристотель пользовался его сочиненіемъ, хотя нерѣдко полемизировалъ противъ его взглядовъ.

8) Наиболѣе цѣннымъ вкладомъ трактата въ древнѣйшую исторію Аѳинъ является характеристика происхожденія архонтата.

9) Извѣстія о реформѣ Дракона возбуждаютъ сильныя сомнѣнія и, мо-

жить быть, ведутъ начало отъ попытки олигарховъ V вѣка придать своимъ планамъ освѣщеніе древности.

10) Извѣстія о формахъ избранія архонтовъ не заключаютъ въ себѣ ничего невозможнаго или безусловно противорѣчиваго, хотя изложены они нескладно.

11) Сообщенія относительно борьбы партій, а также свѣдѣнія о первыхъ примѣненіяхъ ostracism совершенно новы и очень важны.

12) Исторія Писистрата и Писистратидовъ интересна по общей благоприятной оцѣнкѣ ранней тираніи и по характернымъ разнорѣчіямъ съ Геродотомъ и Фукидидомъ, которыми, однако, Аристотель прямо пользовался *).

13) Роль ареопага сильно выдвигается трактатомъ; особенно важно освѣщеніе ея въ эпоху персидскихъ войнъ.

14) Долго державшееся представленіе о землевладѣльческомъ направленіи въ политикѣ Аристиды окончательно устранено вновь открытымъ памятникомъ.

15) Разсказъ объ участіиThemistocles въ сверженіи ареопага не заслуживаетъ довѣрія. Въ данномъ случаѣ Аристотель воспользовался несомнѣнно негоднымъ источникомъ.

16) Значеніе Перикла умалено вслѣдствіе принципиальнаго осужденія Аристотелемъ политики денежныхъ раздачъ.

17) Эпизоды объ олигархіи 411 года и тираніи 30-ти разсказаны съ безпримѣрною обстоятельностью на основаніи документальныхъ данныхъ. Они совершенно выдѣляются изъ остальнаго изложенія.

18) Эта неравномѣрность, вѣроятно, стоитъ въ связи съ личными идеалами Аристотеля, который и въ *Политикѣ* склоняется въ сторону господства достаточныхъ среднихъ классовъ, а въ *Афинской Политіи* высказываетъ особенное сочувствіе Themistocles, какъ представителю средняго направленія.

Помимо выставленныхъ положеній, можно было бы сдѣлать еще великое множество замѣчаній, но они потребовали бы подробнаго обоснованія. Кое-чего придется коснуться, но уже въ другой разъ и въ другомъ мѣстѣ. Въ настоящее время мнѣ хотѣлось только подчеркнуть положенія, непосредственно вытекающія изъ появившейся пока литературы. Въ заключеніе остается повторить замѣчаніе, которое пришлось сдѣлать раньше: успѣхъ дальнейшей разработки зависитъ отъ опредѣленія источниковъ трактата, отношенія къ нимъ автора, его историографическихъ приѣмовъ.

Павель Виноградовъ.

*) Интересную попытку освѣтить приемы Аристотеля при пользованіи Геродотомъ представляетъ статья М. М. Покровскаго въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за октябрь настоящаго года.